

театре (которому было всего-то от роду десять лет), о его репертуаре и о наиболее ярких его людях — Федоре Волкове, Александре Сумарокове. Но важнее всяких имен и деталей для Лессинга было то, что перед ним стоял русский актер. В Европе можно было встретить немецких, французских, итальянских актеров, игравших в Петербурге, но русский актер, стремящийся изучить в европейских театрах тайны своей профессии, был, конечно, явлением экстраординарным и не мог не заинтересовать Лессинга. Обратим внимание еще на одну деталь. Независимо от того, на каком языке велась беседа — на немецком⁷ или на французском, — Лессинг употребил по отношению к собеседнику слово *Akteur*, которое могло указывать на принадлежность того к высокому «серьезному» «классическому» театру. В критическом журнале «Гамбургская драматургия», который Лессинг начнет издавать с весны следующего 1767 г., он будет предпочитать слово *Schauspieler*, более сниженное стилистически, но когда он будет говорить об игре Конрада Эггофа, которого он высоко ценил, то время от времени он будет называть его *Akteur*. В современном русском языке мы приблизительно так же различаем слова «актер» и «артист».

Как видно, что-то сумел Дмитревский заронить в душу Лессинга, чем-то сумел ему запомниться — настолько хорошо, что впоследствии (возможно, в Гамбурге) Лессинг подумал о нем и сделал эту свою запись. Можно допустить, что у Лессинга мелькнула мысль — не попытать ли ему счастья при петербургской сцене, как когда-то, в 1755 г., он полусерьезно думал о профессорстве в новом Московском университете. Не имея возможности узнать, о чем говорил ему Дмитревский, можно выдвинуть предположение о том, какое общее впечатление могли оставить его неизвестные нам слова. Для этого попытаемся кратко сопоставить некоторые мысли Лессинга и Дмитревского о театре.

За десять лет до их встречи Лессинг, живший тогда в Лейпциге, обсуждал в переписке с Николаи и Мендельсоном проблемы трагедийного жанра. Именно в этом жанре, основном для театрального классицизма, требовалась реформа. Лессинг опирается на своего любимого Аристотеля, но в то же время интерпретирует его по-своему. «Страх и сострадание», которые, согласно тексту Аристотеля, трагедия должна вызывать в зрителях, Лессинг понимает как воспитание чувств. Николаи ждет от трагедии прямого назидания, строго рационалистически мыслящий Мендельсон считает, что театр воздействует на зрителей тем, что потрясает их

⁷ О том, что еще в Сухопутном шляхетном кадетском корпусе Дмитревский основательно изучил немецкий язык, см.: *Всеволодский-Гернгросс В.* История театрального образования в России. СПб., 1913. Т. 1. (XVII и XVIII вв.). С. 227.